

Ветра судьбы. Артана

Иван Поддубный

Ветра судьбы. Артана

«Автор»

2026

Поддубный И.

Ветра судьбы. Артана / И. Поддубный — «Автор», 2026

Павел Веснин, уставший от серой жизни менеджер, падает в арке и просыпается в другом мире — Артане. Здесь его ждёт суровый лес, полный чудовищ, ворчливый гоблин-учитель Хрыч и любовь, ради которой стоит жить. Но Ветры Судьбы дуют только в одну сторону, и однажды ему придется сделать выбор между двумя мирами. История о потерянном доме, обретенной семье и том, что настоящее счастье — не там, где ты родился, а там, где тебя ждут.

© Поддубный И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Час, который стал вечностью.	5
Глава 1. Чужак в зелёном сумраке.	7
Глава 2. Искра из злости	10
Глава 3. Те, кто ждут в темноте.	15
Глава 4. Шёпот трав и корней	21
Глава 5. Карты и вера	26
Глава 6. Первая охота.	31
Глава 7. Серые глаза Торнхейма.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иван Поддубный

Ветра судьбы. Артана

Пролог. Час, который стал вечностью.

У каждого человека есть свой личный ад. У Павла Веснина он назывался «пятница, восемнадцать сорок восемь, маршрутное такси номер сорок семь». Он повторял это про себя как мантру, как название болезни, от которой нет лекарства, — только терпеть, только ждать, когда закончится. Восемнадцать сорок восемь — время, когда рабочий день официально завершён, но ты все еще в пути. Когда ты уже не на работе, но еще не дома. Подвешенное состояние между жизнью и жизнью, серая зона, в которой не было ни радости, ни покоя, только выматывающая, липкая усталость, вьющаяся в кости.

Душный салон «Газели» пропах бензином и чужим потом — сладковатым, приторным, смешанным с дешевыми дезодорантами, которые не маскировали, а лишь подчеркивали запах человеческого тела в этой передвижной душегубке. Каждый вдох приходилось делать через раз, задерживая дыхание, чтобы не задохнуться. Кондиционер, который обещали при покупке автобуса, так и остался маркетинговой сказкой — наравне с повышением зарплаты и светлым будущим, которое рисовали на собраниях, развешивая яркие графики роста продаж, не имеющие ничего общего с реальностью. Графики эти были красивыми — разноцветные стрелки уверенно ползли вверх, в то время как в реальности все ползло куда-то совсем в другую сторону: здоровье, деньги, желание жить.

Павел стоял в проходе, вжавшись лицом в чью-то кожаную куртку, пахнущую дешевым табаком и, кажется, вчерашним перегаром. Владелец куртки — лысеющий мужик с красным затылком, на котором блестели капельки пота, — ритмично покачивался в такт движению и даже, кажется, дремал стоя. Павел завидовал ему черной завистью. Этот мужик умел отключаться, умел не замечать. Павел не умел. Он пытался не дышать, считая про себя до ста, потом до двухсот, гипнотизируя взглядом затылок водителя. Водитель — молодой парень с наушником в ухе — периодически подпевал чему-то невнятному и крутил баранку с таким видом, будто участвовал в ралли, а не вез уставших людей по убитой дороге.

Пол под ногами вибрировал, передавая дрожь от каждой выбоины прямо в позвоночник. Павел чувствовал каждый стык асфальта, каждую яму, каждую трещину — как удар током, как напоминание о том, что он жив. Потому что только живой может так уставать. Только живой может так ненавидеть пятницу, восемнадцать сорок восемь и маршрутное такси номер сорок семь. Мертвым все равно.

В наушниках унылый голос ведущего подкаста вещал о том, как правильно инвестировать в криптовалюту, чтобы к тридцати годам выйти на пассивный доход и забыть о наемном труде. Голос был бодрым, уверенным, он сыпал терминами, которые Павел слышал уже сотню раз: «биткойн», «блокчейн», «диверсификация рисков». Павлу было двадцать пять. Никакого пассивного дохода у него не было и не предвиделось. Была съемная однушка в спальном районе, где стены были такими тонкими, что он слышал храп соседа и интимные подробности жизни семейной пары этажом выше. Был кредит за ноутбук, который уже морально устарел, хотя Павел еще не выплатил за него половину. И был начальник, который считал, что фраза «нужно работать, а не ныть» является исчерпывающим руководством к действию и вершиной

ораторского искусства. Начальник этот, Игорь Сергеевич, носил дорогие часы и каждый понедельник проводил летучки, на которых разбирал ошибки подчиненных с таким смаком, будто это было его любимым хобби.

Маршрутка вильнула, объезжая яму, Павел больно ударился бедром о поручень и мысленно выругался. Длинно, грязно, с чувством. Он представил свою жизнь как график — ровную, бесконечную линию без взлетов и падений. Работа — дом. Дом — работа. Пиво по пятницам с таким же уставшим Коляном, который работал в соседнем отделе и так же ненавидел Игоря Сергеевича. Они сидели в баре, пили разливное, обсуждали начальника, коллег, новости, но на самом деле говорили только об одном: как же все надоело. Сельдь под шубой на Новый год, которую он покупал в кулинарии, потому что лень было делать самому, да и незачем — все равно один. Один телевизор, один бутерброд, один бой курантов. Иногда, очень редко, девушки, которые появлялись в его жизни на пару недель и исчезали после третьего свидания. «С тобой скучно», — говорили они, и Павел не обижался, потому что знал: это правда. Он слишком уставал, чтобы притворяться веселым и остроумным. Слишком уставал, чтобы кого-то завоевывать. Слишком уставал, чтобы жить по-настоящему.

На остановке «Улица Строителей» он вышел, жадно глотнул относительно свежего воздуха, в котором все равно чувствовалась гарь от проезжающих машин, и поправил сползший рюкзак. До дома — пять минут пешком. Пять минут тишины, отделяющих его от заслуженного отдыха под телевизор, где кто-то будет решать вымышленные проблемы, чтобы он забыл о своих. Он уже предвкушал, как снимет надоевшие ботинки, как нальет себе чаю, как включит сериал про полицейских, которые всегда ловят преступников за сорок минут с учетом рекламы.

Проходя мимо арки старого дома — серой, обшарпанной, с облупившейся штукатуркой, из-под которой торчала дранка, похожая на ребра доисторического животного, — он почувствовал странный запах. Сначала он подумал, что пахнет грозой: так пахнет озон, когда в воздухе скапливается статическое электричество перед разрядом. Воздух стал каким-то плотным, тягучим, его можно было пить, как кисель. Но небо было чистым, июньским, еще совсем светлым, без намека на тучу. Ни облачка. Только закатное солнце, золотящее верхушки деревьев в соседнем дворе.

А потом мир дрогнул.

Это нельзя было описать словами «закружилась голова» или «потемнело в глазах». Это было глубже. Реальность пошла рябью, как пленка в старом кинопроекторе, когда лента рвется и на экране мелькает белый шум, а потом и вовсе ничего не остается, кроме слепящего света. Стены дома расплылись, асфальт под ногами исчез, превратившись в серую, вязкую мглу, которая засасывала, как трясина, как болото, как дурной сон, от которого невозможно проснуться. Павел хотел закричать, позвать на помощь, но звук застрял в горле, превратившись в жалкий хрип. Тело перестало слушаться, ноги подкосились, и он начал падать в эту серую бездну, чувствуя, как его выворачивает наизнанку, как время и пространство скручиваются в спираль, как все, что он знал, перестает существовать.

Последней мыслью перед тем, как провалиться в небытие, была удивительно будничная и глупая: «А пиво я так и не купил. И маме забыл позвонить... Она же будет волноваться. Черт...»

А потом была только пустота.

Глава 1. Чужак в зелёном сумраке.

Сознание возвращалось медленно, тягуче, словно сквозь толщу меда. Оно не включалось разом, а собиралось по крупинам, по осколкам ощущений, которые предстояло сложить в цельную картину. Первым вернулся слух — и сразу же обрушился на Павла какофонией неведомых звуков. Где-то высоко, над головой, заливались птицы, но их пение было чужим, незнакомым: не привычное воробьиное чириканье, а переливчатые трели, похожие на игру флейты, и низкое, гортанное уханье, от которого, казалось, вибрировала сама земля. Этот звук напоминал бой огромного барабана, только живее, органичнее — так мог дышать сам лес.

Следом пришли запахи. И это был шок похлеще звуков. Вместо привычной вони выхлопных газов, нагретого асфальта и пыли Павел вдохнул густой, пряный аромат прелой листвы, влажной земли и грибницы. К этому примешивалось что-то дурманящее, похожее на смесь мяты, полыни и неизвестных трав, отчего слегка кружилась голова. Это был запах леса — но не того чахлого лесопарка, куда он выезжал с коллегами на шашлыки, а дикого, первобытного, где человек — лишь незванный гость.

Павел с трудом разлепил веки.

Над ним нависал полог леса, такого, какой не мог присниться и в самом фантастическом сне. Деревья уходили в небо на сотню метров, их стволы в объёме напоминали небольшие автомобили. Кора была не коричневой и не серой, а серебристой, с голубоватым отливом, и на ней, словно праздничная иллюминация, росли светящиеся лишайники, источающие мягкое, зеленоватое свечение. Листья дрожали сами по себе, без всякого ветра, испуская слабый свет, точно огромные светлячки.

Павел сел, и его тут же повело в сторону. Голова гудела, как после отравления, а внутри, в груди, образовалась звенящая пустота. Тело слушалось плохо, руки и ноги казались ватными, чужими. Он опустил взгляд и застыл, не в силах поверить увиденному.

На нем не было его стареньких, протертых до дыр джинсов и любимой толстовки с уставшим котом. Вместо них — грубая, колючая льняная рубаха, пахнущая потом и травами, кожаный жилет с металлическими заклепками и штаны из плотной, ворсистой ткани, похожей на войлок. На ногах — неудобные башмаки из цельного куска кожи, зашнурованные сыромятными ремешками. А на поясе, на кожаном ремне, висел настоящий кинжал в деревянных ножнах, покрытых искусной резьбой.

— Абзац, — выдохнул Павел севшим, чужим голосом. — Полный абзац.

— Не советую вставать, чужеземец, — раздался откуда-то сбоку скрипучий голос, похожий на скрип несмазанной телеги. — С непривычки миры кружат голову похлеще хмельного меда. Полежи еще.

Павел дернулся и едва не схватился за кинжал — инстинкт самосохранения сработал быстрее мысли. Из-за огромного папоротника, чьи листья были размером с человеческий рост, вышел... гоблин. Самый настоящий, классический, точно сошедший со страниц фэнтези-романов. Ростом по плечо Павлу, худой, жилистый, с острой мордой, поросшей редкой рыжеватой щетиной, и огромными ушами, которые шевелились независимо друг от друга, словно

локаторы. Глаза у него были желтые, с вертикальным зрачком, как у кошки, и смотрели они цепко, внимательно, но без враждебности — скорее с любопытством ученого, нашедшего редкий экземпляр.

— Хрычем меня кличут, — представилось существо, ухмыльнувшись щербатым ртом. — А тебя как звать-величать, чужак?

— П-Павел, — выдавил тот, все еще пытаюсь осознать реальность происходящего.

— Повел? — Гоблин склонил голову набок, пробуя имя на вкус. — Странное имя. Никогда такого не слышал. Ты из каких земель будешь? С побережья? С гор?

— Я... я не знаю, — честно признался Павел, чувствуя, как паника снова подступает к горлу. — Я, кажется, потерялся.

— Потерялся, — хмыкнул Хрыч. — Это ты верно подметил. Потерялся ты знатно. Вставай давай, коли можешь. Краулеры ночью выходят, а от них у меня только одна защита — быстрые ноги и острый нож. А ноги у меня, сам видишь, короткие.

— Какие краулеры? — Павел все-таки поднялся, пошатываясь и хватаясь за ствол ближайшего дерева. Кора под пальцами была теплой и слегка вибрировала, будто дерево дышало, чувствуя его прикосновение. — Где я? Что это за место?

— В Аргане, — терпеливо, как несмышленому ребенку, объяснил гоблин. — В Оскольном Лесу. Великие Ветры Судьбы занесли тебя сюда, если судить по запаху. От тебя пахнет другим миром. Железом и пустотой. Я таких уже встречал. Давно, правда.

— Другим миром? — Павел чувствовал, как реальность ускользает от него, как песок сквозь пальцы. — Ветры Судьбы? Что за чушь?

— Не чушь, — обиделся Хрыч. — Ты здесь, я здесь, лес вокруг. Какая же это чушь? Солнце садится, скоро стемнеет. В ночном лесу ты долго не проживешь, даже с моей помощью. Пойдем, по дороге расскажу.

Павлу отчаянно хотелось возразить, потребовать объяснений, разбудить себя щипком или ударом головы о дерево. Но вместо этого он, словно загипнотизированный, послушно пошел за странным существом. Ноги сами несли его сквозь светящийся лес, мимо деревьев с серебряной корой, мимо грибов размером с табуретку, мимо цветов, которые при их приближении закрывали лепестки, словно стесняясь. Гоблин двигался быстро и бесшумно, ловко лавируя между корнями и валунами, а Павел едва поспевал за ним, то и дело спотыкаясь.

Путь оказался недолгим. Вскоре они добрались до норы, скрытой в склоне холма под корнями огромного дуба. Вход был так искусно замаскирован колючими кустами, что заметить его мог только опытный глаз. Внутри оказалось тесно, но уютно: маленький очаг, в котором весело потрескивал огонь, нары, застеленные шкурами, полки с сушеными травами и грибами, несколько глиняных горшков и самодельных ножей.

— Садись, — Хрыч указал на шкуры. — Есть будешь?

Только сейчас Павел осознал, что зверски голоден. Желудок свело голодной судорогой, и он судорожно кивнул. Гоблин протянул ему кусок вяленого мяса, жесткого, как подошва, и глиняную кружку с водой. Павел ел и пил жадно, чувствуя, как силы понемногу возвращаются к нему.

Хрыч уселся напротив, подбросил веток в огонь и уставился на Павла с нескрываемым любопытством. В свете пламени его глаза казались еще более желтыми, почти светящимися.

— Ну, рассказывай, — потребовал он. — Откуда ты такой взялся? Я чувую в тебе магию, чужеземец. Слабую, неразбуженную, но она есть. И одет ты чудно. Не по-нашему, не по-эльфийски, не по-гноми.

И Павел рассказал. Все. Про свой серый, унылый мир, про душные маршрутки и бессмысленную работу, про вечер, странный запах и провал в небытие. Говорил сбивчиво, захлебываясь словами, боясь, что его прервут или сочтут сумасшедшим.

Хрыч слушал молча, лишь изредка кивая и шевеля ушами. Когда Павел закончил, гоблин долго сидел неподвижно, глядя на огонь, а потом заговорил:

— Другой мир, значит. Бывает. Редко, но бывает. Я за свою долгую жизнь много чего повидал. И таких, как ты, встречал. Двоих. Один давно был, еще в молодости. Прожил здесь лет десять, потом ушел к людям, женился, детей завел. А второй... второй не выжил. Слишком уж городским был, к лесу не привык. Краулеры его сожрали.

Павел поежился.

— А... а ты научишь меня? — с надеждой спросил он. — Выжить здесь?

Хрыч посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Потом усмехнулся, обнажив щербатые зубы:

— А почему бы и нет? Мне одному скучно. А ты вроде неглупый, хоть и городской. Научу. Но учти, ученик: я строгий. За ошибки буду бить. Бить больно. И если сдрейфишь, сбежишь — пеняй на себя. В лесу одному не выжить.

— Я не сбегу, — твердо сказал Павел. — Обещаю.

— Ну-ну, — хмыкнул гоблин. — Посмотрим. А пока спи. Завтра рано вставать, начинать учиться жить по-новому. И запомни первое правило, Павел: в этом мире нет места жалости к себе. Здесь или ты, или тебя. Выбирай.

Павел закутался в вонючие, но удивительно теплые шкуры и закрыл глаза. Странно, но в этой тесной, пропахшей сыростью и травами норе, в этом чужом, пугающем мире, он впервые за долгое время почувствовал себя почти в безопасности. Рядом сопел странный гоблин, ставший его неожиданным спасителем, где-то вдалеке ухал ночной зверь, а в животе приятно разливалось тепло от съеденного мяса. Это было начало. Начало его новой, немыслимой жизни в Артане.

Глава 2. Искра из злости

Первые недели в норе Хрыча стали для Павла настоящим испытанием, сравнимым разве что с погружением в ледяную воду. Если первая ночь прошла в блаженном забытии утомленного организма, то утро встретило его суровой реальностью во всей ее неприглядной красе. Нора, казавшаяся вечером почти уютной, при свете дня предстала тесной землянкой, вырытой в склоне холма и состоящей из трех крошечных «комнат», если можно так назвать закутки, отделенные друг от друга шкурами. Пахло здесь сыростью, плесенью и еще чем-то кислым, что Павел предпочитал не идентифицировать. Спал он на куче старой соломы, накрывшись рваным одеялом из шкур, от которого несло псиной так, что поначалу его подташнивало. Просыпался от холода и голода, а засыпал от изнеможения, потому что каждый день, с рассвета до заката, был заполнен бесконечной, изнурительной учебой.

— Вставай, сонная тетеря! — орал Хрыч, сдергивая с Павла одеяло чуть ли не затемно. — Солнце уже лес целует, а ты дрыхнешь, как сурок! Пока ты спишь, твоя еда убегает на своих двоих, а враги точат зубы о твои кости! Вставай, Повел, время не ждет!

Первым и самым сложным уроком стал язык Артаны. Он оказался гортанным, сложным, с кучей тонов, где одно и то же слово, произнесенное с разной интонацией, могло означать «друг», «еда» или «сдохни». Павел путал окончания, коверкал произношение, и Хрыч за ошибки бил его по пальцам деревянной ложкой — больно, со свистом, не жалея. Руки ученика постоянно были красными и опухшими, но гоблин оставался неумолим.

— Не «таак», а «т'акх»! — орал он, размахивая ложкой, как дирижер палочкой. — Горлом дави звук! Ты не баба на базаре, ты мужчина! Дави!

— Т'акх, — послушно повторял Павел, потирая ушибленные пальцы и чувствуя, как от постоянного напряжения начинает болеть горло.

— Лучше, — неохотно кивал Хрыч. — Но все равно хреново. Еще раз. И запомни: в лесу неправильно скажешь слово — и можешь не проснуться. Твари понимают нашу речь, а некоторые даже приманиваются на определенные звуки. Так что учись, пока цел.

Но язык был только полбеда. Самым невероятным и непостижимым оказалось то, что Хрыч называл «искрой». Гоблин утверждал, что в каждом, кто приходит из других миров, остается частица энергии перехода — та самая искра, которую можно развить в настоящий магический дар. И Павел, по его словам, этой искрой обладал.

Каждый вечер, после изнурительных дневных занятий, Хрыч усаживал его перед кучкой хвороста, сложенной во дворе норы, и приказывал:

— Зажги.

Павел смотрел на сухие ветки, представлял огонь, мысленно рисовал его, шептал слова, которые велел повторять учитель, злился, просил, уговаривал, даже молился непонятно кому — но хворост оставался холодным и мертвым. Проходил час, другой, а пламя так и не появлялось.

— Нет в тебе веры, — вздыхал Хрыч, глядя на очередную неудачу ученика. — Магия — это уверенность, Повел. Ты должен знать, что огонь загорится, так же твердо, как знаешь, что завтра солнце встанет. А ты сомневаешься. Я вижу по глазам — ты думаешь: «А вдруг не получится?» Вот и не получается.

— Я не маг, — огрызался Павел в отчаянии, сжимая кулаки до хруста. — Я менеджер. Я умею составлять отчеты и рисовать графики продаж. Огнемет умею включать, это да, в одной игре... Но огонь из пальцев — это не ко мне.

— Не из пальцев, — терпеливо, в сотый раз поправлял Хрыч. — Изнутри. Там, где злость живет. Или любовь. Или страх. Найди в себе чувство, самое сильное, и выплесни его наружу. Тогда получится. Магия — это не фокусы, это сама твоя суть, твоя душа, облеченная в форму.

Ночами, когда Хрыч засыпал, Павел лежал на своей вонючей подстилке и смотрел в темный потолок норы. Мысли его металась между двумя мирами. Он вспоминал свою старую жизнь — такую серую и унылую, но такую понятную и безопасную. Там были правила, законы, предсказуемость. Здесь не было ничего, кроме бесконечного леса, полного смертельных опасностей, и странного, ворчливого, но, кажется, доброго гоблина, который взялся учить его выживать. Иногда Павла охватывала такая тоска по дому, что хотелось быть в голос. Он представлял лицо матери, ее руки, пирожки с капустой, которые она пекла по воскресеньям. Представлял Колю, своего единственного друга, с которым они пили пиво по пятницам и жаловались на жизнь. Представлял свою маленькую, убогую квартирку, где каждая вещь была на своем месте. И понимал, что, скорее всего, никогда этого больше не увидит. Эта мысль обжигала ледяной пустотой внутри, но Хрыч был прав в одном: жалость к себе здесь была непозволительной роскошью.

Особенно тяжело давались первые уроки выживания в лесу. Хрыч водил его по тропам, показывал съедобные и ядовитые растения, учил читать следы зверей, различать голоса птиц. Павел, привыкший к асфальту и бетону, чувствовал себя слепым котенком. Он не видел того, что для гоблина было очевидным: где притаилась опасность, где прошла добыча, где можно найти воду. Хрыч ругался, бил ложкой по пальцам, но продолжал учить с каким-то ожесточенным терпением.

— Смотри, — говорил он, приседая на корточки и указывая на едва заметный отпечаток в мягкой земле. — Это след зайца-переростка. Видишь, когти отпечатались? Он здесь кормился, совсем недавно. Если пойдем по следу, может, догоним.

— А почему ты решил, что это заяц, а не кто-то другой? — недоумевал Павел, вглядываясь в непонятные вмятины.

— А ты понюхай, — усмехался Хрыч. — Заяц пахнет по-своему. Травами и страхом. А волк — кровью и злобой. Лес — это книга, Повел. Самая толстая книга в мире. И если ты не умеешь ее читать, ты умрешь. Быстро и глупо.

Павел нюхал землю, но ничего, кроме запаха сырости и прелых листьев, не чувствовал. И это приводило его в отчаяние. Ему казалось, что он никогда не научится понимать этот чужой, враждебный мир.

Проходили дни, складываясь в недели. Павел привык к режиму, к постоянному недосыпу, к боли в натруженных мышцах. Он начал различать некоторые слова на артанском, мог объясниться с Хрычом на бытовом уровне, хотя правильное произношение все еще давалось с трудом. Но магия — магия по-прежнему не поддавалась.

— Не расстраивайся, — утешал его Хрыч, видя, как ученик мрачнеет с каждой неудачей. — У всех по-разному. Кто-то зажигает огонь в первый же день, а кто-то годами учится. Главное — не бросать. Магия, она как женщина: любит настойчивых.

— Откуда ты знаешь про женщин? — мрачно шутил Павел. — Ты же гoblin.

— А гoblinы, по-твоему, откуда берутся? — возмущался Хрыч. — Из капусты, что ли? У нас тоже есть свои самки. Только они злые, как краулеры. Я потому и в лесу живу один — от них сбежал.

Павел впервые за долгое время рассмеялся. Искренне, от души, забыв о своих проблемах. Хрыч, довольный произведенным эффектом, довольно заулыбался своей щербатой улыбкой.

— То-то же, — сказал он. — А то все нос вешаешь. Жизнь она, Павел, она разная бывает. И плохая, и хорошая. Но пока ты смеешься — ты живешь. Запомни это.

На двадцать третий день — Павел сбился со счета, но Хрыч уверенно сказал, что прошло именно столько — случилось то, что изменило все.

Утро выдалось хмурым и дождливым. Они сидели перед мокрым кострищем, и Павел в сотый раз безуспешно пытался разжечь огонь. Хрыч ушел проверять силки, оставив ученика одного с привычным заданием: «Разожги костер. Сам. Без огня». Павел сидел на корточках, смотрел на мокрые, отвратительные ветки, которые никак не хотели загораться, и чувствовал, как внутри закипает что-то темное и горячее. Он злился. Злился на Хрыча за его бесконечные, изматывающие уроки, на лес за его сырость и враждебность, на себя за собственную никчемность, на этот дурацкий мир, который выпшвырнул его, как ненужный мусор, заставив начинать жизнь с нуля в компании вонючего гoblinа. Злился так, что в глазах темнело, а в висках начинало пульсировать.

— Да что ж ты такое! — заорал он, вскакивая и со всей силы пнув ни в чем не повинную кучу хвороста. — Гори ты огнем! Гори!

И ветки вспыхнули.

Ярким, жарким пламенем, без единой струйки дыма и без малейшего треска. Огонь взметнулся вверх, на мгновение став почти белым, а потом успокоился, загудел ровно и сильно, облизывая сухие ветки, которые секунду назад были мокрыми и безжизненными.

Павел замер, не веря своим глазам. Он только что пнул костер, а не колдовал над ним. Неужели?..

Из леса выскочил запыхавшийся Хрыч — видимо, почуял неладное или просто услышал его крик. Увидев ровно горящий костер, а потом лицо Павла, застывшее в изумлении, гoblin

замер на мгновение, а потом подскочил как ужаленный и запрыгал вокруг, размахивая руками и смеясь своим скрипучим смехом:

— Получилось! Я знал! Я чувствовал! Повел, ты молодец! А ну-ка, покажи еще! Погаси и зажги снова!

— Я... я не знаю как, — растерянно сказал Павел, все еще глядя на огонь. — Я просто разозлился. Очень сильно. И пнул ветки.

— Пнул? — Хрыч на мгновение задумался, потом снова засиял. — А, неважно! Злость — хороший ключ! Для начала сойдет. Очень даже сойдет! Потом научишься и любовь использовать. И радость. И страх. Но для начала — злость. Она всегда под рукой, всегда острая, всегда готовая выплеснуться. Главное — направить ее в нужное русло.

Павел смотрел на огонь, и в груди разливалось странное, давно забытое тепло, не имеющее никакого отношения к пламени костра. Он сделал это. Он, Павел Веснин, менеджер средней руки, неспособный даже гвоздь забить ровно, только что сотворил настоящее чудо. Чудо, которое в его старом мире назвали бы выдумкой, галлюцинацией, игрой воображения. Но здесь, в Артане, это было реальностью. Самой что ни на есть настоящей реальностью.

В тот вечер Хрыч впервые назвал его не «чужеземцем», не «Повел-который-ничего-не-умеет», а «учеником». И даже достал из своих скудных запасов самый драгоценный продукт — целый кусок вяленого мяса, чтобы отпраздновать событие. Они сидели у костра, жевали жесткое, как подошва, мясо, и Хрыч, довольно жмурясь, философствовал:

— С этого все начинается, Повел. С первого огня, зажженного не руками, а душой. А потом — смотришь, и человеком становишься. Настоящим. Таким, каким тебя задумал этот мир.

— А кем задумал меня твой мир? — спросил Павел, глядя на пляшущие языки пламени.

— Не знаю, — честно признался гоблин. — Это тебе самому предстоит узнать. Но одно я знаю точно: просто так Ветры Судьбы никого не переносят. Значит, ты здесь зачем-то нужен. Для чего-то важного. Искра в тебе неспроста. Мы, гоблины, это чувствуем. Ты не простой человек, Повел. Ты — Избранный.

Павел усмехнулся. Слово «избранный» в его мире было заезженным штампом из дешевых фантастических романов. Но здесь, в этом лесу, под светящимися кронами деревьев, оно звучало иначе. Весомо. Почти пугающе.

В последующие дни Хрыч удвоил усилия. Теперь, помимо языка и выживания, они начали заниматься магией всерьез. Павел учился контролировать свой гнев, не выплескивать его слепо, а направлять в нужное русло. Он зажигал костры, подогревал воду в глиняных горшках, даже пару раз смог создать маленький светящийся шарик, который освещал нору не хуже масляной лампы. Хрыч показывал ему простейшие заклинания — как защитить себя от холода, как сделать воду чище, как притупить боль от раны. Павел впитывал все как губка, чувствуя, как с каждым днем сила внутри него становится все ощутимее.

Но учитель был неумолим.

— Мало, — ворчал он, глядя на очередное достижение ученика. — Мало. Искра есть, но она слабая, нестабильная. Как огонек на ветру. Нужно ее раздуть, укрепить. Для этого нужна практика. Много практики. И нужна вера. Ты все еще сомневаешься, Повел. Я вижу. Веришь в себя, но не до конца. А магия не терпит сомнений. Она требует абсолютной уверенности.

Павел слушал и кивал. Он знал, что учитель прав. Где-то глубоко внутри, под слоем новой, обретенной здесь уверенности, все еще жил тот самый Павел Веснин — серый, забитый, уставший от жизни менеджер, который не верил ни в себя, ни в чудо. И этот внутренний голос нужно было если не убить, то хотя бы заставить замолчать. Навсегда.

Однажды, после очередного занятия, Хрыч сказал ему:

— Знаешь, Повел, а ведь ты изменился. Сильно изменился. Когда я нашел тебя в лесу, ты был как мокрый цыпленок — жалкий, испуганный, потерянный. А сейчас... сейчас в тебе появился стержень. Ты научился злиться. Научился бороться. Научился не сдаваться. Это главное.

— А чего ради бороться? — спросил Павел. — Ради чего?

— Ради жизни, — просто ответил гoblin. — Ради того, чтобы увидеть завтрашний день. Ради того, чтобы найти свое место в этом мире. Ради тех, кого полюбишь. Поверь, однажды ты поймешь, ради чего. И тогда твоя магия станет в сто раз сильнее.

Павел задумался. Ради чего он борется? Пока что — просто чтобы выжить. Чтобы не умереть голодной смертью, не быть съеденным краулером, не замерзнуть ночью в лесу. Но Хрыч прав — этого мало. Должно быть что-то еще. Что-то, что придает смысл этому существованию. И он надеялся, что однажды найдет это.

Шли недели. Павел учился, Хрыч учил. Лес постепенно переставал быть враждебным и становился просто большим, сложным, но познаваемым миром. Павел начал различать голоса птиц, понимать, о чем шепчутся деревья, чувствовать настроение зверей. Искра внутри него разгоралась все ярче, и вместе с ней росла уверенность в том, что он сможет выжить. Сможет стать своим в этом странном, прекрасном и смертельно опасном мире. Главное — не останавливаться и верить.

А по ночам, засыпая под ворчание Хрыча, он все чаще ловил себя на мысли, что этот мир, такой чужой и страшный поначалу, начинает казаться ему почти родным. И мысль о возвращении на Землю уже не вызывала той острой тоски, что раньше. Наверное, это и называется — обрести новый дом.

Глава 3. Те, кто ждут в темноте.

— Запомни, Повел, первое правило выживания в этом лесу, — Хрыч точил нож у входа в нору, лениво поглядывая на утренний туман, стелющийся между деревьями. Его движения были отточенными, почти медитативными — камень скользил по лезвию с равномерным, успокаивающим звуком. — Ты здесь не главный. Ты здесь даже не гость. Ты здесь — еда. Для краулеров, для серов, для ползунов, для бурашей, если повезет. Лес — это огромная пасть, и она всегда голодна. Запомни это, и, может быть, проживешь дольше, чем те, кто забывает.

Утро в Артане было не таким, как на Земле. Солнце еще не поднялось, но лес уже светился — лишайники на коре испускали мягкий, зеленоватый свет, который разгонял тьму не хуже уличных фонарей. Воздух был чистым и прохладным, пахло росой и прелыми листьями, и в этом запахе чувствовалось что-то первобытное, древнее, существовавшее задолго до появления человека. Где-то вдали ухала та самая огромная птица, чей крик Павел слышал в первый день. Теперь он знал, что это не птица, а древесный дракончик — безобидная тварь размером с ворону, которая питается насекомыми и очень смешно чихает огнем, когда пугается. Хрыч как-то показал ему одного, и Павел долго смеялся, глядя, как маленькое создание пытается грозно шипеть, а из пасти вылетают лишь жалкие искорки.

— Рассказывай, — попросил Павел, усаживаясь рядом с Хрычом на бревно. Он уже научился не спрашивать «что?» и «зачем?», а слушать и запоминать. От этого зависела его жизнь. Каждая крупица информации могла стать решающей в смертельной схватке с обитателями этого леса.

Хрыч чиркнул палкой по земле, рисуя карту — корявую, но, как уверял гoblin, точную. Палочка чертила линии, кружки, стрелки, а Хрыч комментировал, и голос его звучал наставительно, как у школьного учителя, объясняющего сложную теорему:

— Лес большой. Очень большой. На много дней пути в любую сторону. Мы сейчас вот здесь, — он ткнул в точку почти в центре карты. — Это Ближний пояс. Тут еще относительно безопасно. Но «безопасно» в нашем понимании — это значит, что ты можешь умереть не сразу, а через полчаса, если будешь внимателен.

— Утешил, — буркнул Павел, вглядываясь в корявые линии на земле.

— Я не утешать пришел, — строго сказал Хрыч, поднимая на него свои желтые глаза с вертикальными зрачками. — Я учить. Слушай дальше и запоминай, повторять не буду. В Ближнем поясе водятся серы. Это волки, только размером с теленка. Ходят стаями по десять-пятнадцать голов. Шерсть у них серая, почти незаметная среди деревьев, а глаза светятся в темноте красным. Если увидишь стаю — сразу лезь на дерево. На деревья они не лазают, стволы слишком гладкие для их когтей. Но сидеть придется долго — они терпеливые, могут ждать сутками. Я сам однажды просидел на дубе почти два дня, пока они внизу кружили.

— А если деревья рядом нет?

— Тогда молись своим богам, если они у тебя есть. Или беги так быстро, как никогда в жизни не бегал. И желательно к воде. Серы плавать не любят, вода для них — хуже огня. Но

учти: если побежишь, они погонятся. Серы быстрее любой лошади, так что надежда только на то, что ты успеешь добежать до реки раньше, чем они до тебя.

Павел кивнул, мысленно отмечая: волки-телята, не лазят по деревьям, боятся воды, но бегают быстрее лошади. Информации было много, и она накладывалась одна на другую, создавая в голове сложную картину этого опасного мира.

— Еще есть ползуны, — продолжил Хрыч, рисуя на карте извилистую линию, похожую на змею. — Живут в листве, в кронах деревьев. Похожи на толстых змей, только с лапками — коротенькими, но цепкими. Тварь мерзкая, скользкая, длиной в два-три человеческих роста. Днем спят, свернувшись клубком где-нибудь в густой листве, а ночью охотятся. Спускаются вниз по веткам и... — он изобразил, как что-то обвивает шею, и выпучил глаза, показывая удушье. — Душат. Мгновенно. Яд у них медленный, но верный. Если укусил — не вздумай бежать, яд быстрее разойдется по крови. Садись на месте и жги рану. Огнем. Сразу. Жги, пока мясо шипит, не жалея себя. Иначе через час — труп. Я видел таких. Лица синие, глаза вылезли из орбит — жуткая смерть.

— Жечь рану, — повторил Павел, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Понял. А чем жечь, если костра рядом нет?

— Магией, — усмехнулся Хрыч. — Для того я тебя и учу. Маленький огонек на кончике пальца — и яд выгорает, не успев добраться до сердца. Так что учись, Повел. От твоей учебы теперь твоя жизнь зависит.

— А теперь самое главное. То, чего ты должен бояться больше всего, — Хрыч посерьезнел, уши его прижались к голове, голос стал тише, почти шепотом. Он оглянулся по сторонам, будто боялся, что их могут подслушать. — Краулеры.

— Краулеры, — эхом отозвался Павел, чувствуя, как мурашки бегут по коже от одного этого слова.

— Твари из Низкого Мира, — Хрыч понизил голос до шепота, и в этом шепоте слышался неподдельный, древний страх. — Никто не знает, откуда они пришли. Говорят, из-под земли, из глубин, где даже гномы не бывали. Говорят, их породила сама тьма, когда мир был молод и хаос правил миром. Ночью выходят. Света боятся — солнца, огня, даже светящихся лишайников. Поэтому мы и жжем костры по ночам. Поэтому каждая нора, каждое жилье в этом лесу освещено. Потому что если краулер найдет тебя в темноте — ты уже не жилец.

— Выглядят как? — спросил Павел, хотя уже догадывался, что ответ ему не понравится. Хрыч редко пугался, а сейчас в его глазах плескался самый настоящий ужас.

— Страшно, — просто ответил Хрыч, и этого слова было достаточно. — Если бы паук с человеком слюбился, а потом это еще и в болоте искупали, да проклинали все боги — вот примерно так. Мерзость. Восемь лап, покрытых слизью, тело серое, склизкое, морда... не важно, какая морда. Ты ее не запомнишь, потому что будешь бежать. Или умирать. Они не едят сразу. Тащат в норы, под землю, там уже... — он не договорил, махнул рукой, и в этом жесте было столько безысходности, что Павлу стало по-настоящему жутко. — От них только бежать или огнем жечь. Много огня. Если сможешь зажечь такой огонь, чтобы краулер загорелся — считай, спасся. Но мало кто может. Боевая магия нужна, сильная.

— А магия? — спросил Павел, вспомнив, как недавно зажег костер от злости. Та победа казалась ему теперь такой маленькой и незначительной. — Та, которой я научился, поможет?

— Помогает, — кивнул Хрыч. — Бытовая магия, маленький огонек — отпугнуть, да. Если вовремя заметишь и успеешь зажечь. Краулеры света боятся, даже маленького. Но чтобы убить краулера, нужно сильное пламя. Боевая магия. У нас с тобой ее пока нет. Да и вряд ли будет, если честно. Люди из других миров редко становятся боевыми магами. Слишком мягкие вы. Слишком долго живете в безопасности, теряете связь с первобытной силой.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулся Павел, пытаясь шуткой сбить напряжение. Но внутри у него все похолодело. Краулеры, ползуны, серы — этот лес был настоящим царством смерти.

— Я не комплименты говорю, — отрезал Хрыч. — Я правду. Ты мягкий, Павел. Но учишься быстро. Это плюс. И искра в тебе есть. Может, со временем и до боевой магии дойдешь. Если жить захочешь достаточно сильно.

Он продолжил точить нож, мерно водя камнем по лезвию. Павел молчал, переваривая информацию. Лес, оказывается, был населен куда гуще, чем он думал. Каждая тень, каждый шорох могли таить в себе смертельную опасность. И он, человек из другого мира, должен был научиться не просто жить среди всего этого, а выживать.

— В глубине леса, — снова заговорил Хрыч после долгой паузы, — в Глубоком поясе, куда даже я не суюсь без большой нужды, живут серьезные твари. Трехрогие вепри, например. Здоровенные, как носороги, только злые, как сотня демонов. Бегут на любой шум, сметают все на пути. Деревья валят, если те не очень толстые. Я видел однажды, что они делают с лесом — будто ураган прошел. Ничего живого не остается.

— Как от них спастись?

— Никак. — Хрыч пожал плечами с философским спокойствием смертника. — Если вепрь на тебя попер — считай, ты покойник. Можно только молиться, чтобы он прошел мимо. Или спрятаться за очень толстое дерево и надеяться, что он его не снесет. Но вообще, если видишь трехрогого вепря — замирай и не дыши. Может, не заметит.

— М-да... — Павел представил себе носорога с тремя рогами, несущегося на него сквозь лес, и поежился. Картинка вырисовывалась апокалиптическая.

— Еще бураши есть, — продолжил Хрыч, и голос его снова стал серьезным. — Медведи-шатуны, мы их так зовем. Шерсть у них как каменная — стрела не берет, меч скользит. Бить надо в глаз или под хвост.

— Под хвост? — удивился Павел, представив, как подкрадывается к огромному медведю сзади.

— А ты думал, у них броня везде? — усмехнулся Хрыч, довольно скаля шербатые зубы. — Нет. Все живое уязвимо, даже бураш. Просто надо знать, куда бить. В глаз — сложно, голову вертят быстро. А под хвост — если успеешь забежать сзади и ткнуть ножом... — он хитро

прищурился, вспоминая что-то свое. — Я одного так завалил. Молодым был, глупым. Думал, все, конец. А он развернуться не успел, я и ткнул. Вкусно было, мясо у бураша нежное, если правильно приготовить.

— Ты его съел?

— А ты думал, я его хоронить буду? — искренне удивился гоблин. — Мясо — оно и есть мясо. Жалко добру пропадать. Тем более бураш — это же целая гора еды. Месяц можно кормиться. Шкура каменная — на поделки, когти — на наконечники, жир — для светильников. Ничего не пропадает в лесу, Повел. Запомни: лес не терпит расточительства.

Павел помотал головой, отгоняя картину, как Хрыч разделяет каменного медведя. Ладно, привыкнет. Наверное. Со временем.

— А в Глубоком поясе, — продолжил Хрыч, понижая голос до таинственного шепота, — дальше, за бурашами и вепрями, драконы живут.

— Драконы? — Павел даже привстал от неожиданности. — Настоящие? Те, которые с крыльями и огнем?

— Настоящие, — кивнул гоблин, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на благоговейный страх. — Ящеры, что огнем плюются. Крылатые, чешуйчатые, огромные. Старше эльфов, старше гномов, старше самого леса. Умные, хитрые. Могут с тобой говорить, а потом съесть. Или не съесть, если договоришься. С ними можно договориться, если есть что предложить. Золото, например. Или драгоценности. Или тайны. Драконы любят тайны, старые секреты, забытые знания. За хорошую тайну могут и жизнь подарить.

— А ты видел дракона?

— Нет, — честно признался Хрыч, и в голосе его послышались нотки сожаления. — И не хочу. Мне и здесь хорошо. Но слышал от тех, кто видел. Говорят, красивые. До ужаса. Такая красота, от которой душа замирает, а потом они выдыхают огонь — и ты превращаешься в пепел, даже не успев испугаться.

Павел замолчал, переваривая информацию. Мир Артаны оказался куда сложнее и опаснее, чем он думал. Леса, полные чудовищ, драконы в глубине, магия, гоблины, эльфы, гномы... И он, простой менеджер из другого мира, должен во всем этом выжить. Мысль была пугающей, но где-то глубоко внутри загорался азарт. Настоящий, мужской азарт охотника, который чувствует, что его жизнь наконец-то обретает смысл.

— А кто тут главный? — спросил он, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. — Люди? Эльфы? Гномы?

Хрыч рассмеялся — скрипуче, каркаяще, но в этом смехе слышалась горькая ирония:

— Главный? Никто не главный. Люди думают, что они главные, потому что их много и они плодятся как кролики. Эльфы думают, что они главные, потому что они древние и мудрые. Гномы — потому что у них горы и золото, и они умеют делать такое оружие, которое люди покупают за любые деньги. Орки — потому что они сильные и злые, и им плевать на все. А на

самом деле никто не главный. Все друг друга ненавидят, все друг с другом воюют, все считают себя лучше других.

— Почему? Почему они не могут жить в мире?

— А почему люди всегда воюют? — вопросом на вопрос ответил Хрыч, и в глазах его блеснула старая, умудренная годами мудрость. — Потому что разные. Потому что каждый думает, что его правда — самая правильная. Люди с эльфами не ладят — эльфы считают людей выскочками, которые живут слишком мало, чтобы понять хоть что-то важное, люди считают эльфов зазнайками, которые только и умеют, что сидеть в своих лесах и любоваться на листья. Гномы с эльфами тоже не ладят — из-за лесов, из-за гор, из-за древних обид, которым уже тысячи лет. Орки со всеми не ладят, потому что оркам все равно, они хотят жрать и грабить, и никакие разговоры их не остановят. А мы, гоблины, — между ними. Нас презирают, считают низшими, грязными, никчемными, но нужны мы всем. Кто будет торговать с теми, с кем никто не торгует? Кто будет лазить в пещеры, куда гномы не суются из страха? Кто будет собирать травы в лесу, где эльфы не ходят, потому что боятся запачкать свои красивые башмаки? Мы. Мы нужны. Но нас не любят. Никогда не любили и никогда не полюбят.

В голосе Хрыча слышалась горечь, накопившаяся за долгие десятилетия жизни изгоем. Павел понимал это чувство — быть нужным, но нелюбимым. Работать, но не получать признания. Он сам так жил много лет на Земле, только там это называлось «быть хорошим сотрудником» и считалось нормой.

— А боги? — спросил он, чтобы перевести разговор в другое русло. — Боги тут есть?

Хрыч пожал плечами, и в этом жесте было столько скептицизма, сколько Павел не видел ни у одного атеиста на Земле:

— Никто не знает. Жрецы говорят, что есть. Храмы строят, молятся, жертвы приносят. Эльфы поют свои песни, люди зажигают свечи, гномы клянутся подземными духами. А толку? Если бы боги были, разве было бы в мире столько зла? Разве краулеры вылезали бы из-под земли и жрали людей? Разве орки жгли бы деревни и убивали детей? Разве хорошие люди умирали бы молодыми, а плохие жили до старости? Я в богов не верю, Павел. Я верю в себя, в свой нож и в быстрые ноги. Это надежнее. Это проверено.

Павел кивнул. В чем-то Хрыч был прав. На Земле тоже было много храмов и много зла. Боги если и были, они не спешили вмешиваться в дела людей, предоставляя им самим разбираться со своими проблемами.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь с бревна. — Спасибо за урок. Я запомню. Постараюсь запомнить.

— Запоминай, — кивнул гoblin, пряча нож в ножны. — Завтра пойдем дальше. Покажу тебе травы. Лес — это не только твари. Лес — это еще и еда, и лекарства, и яды, и магические ингредиенты. Все вместе. Все переплетено. Главное — знать, где что лежит и как это использовать.

Павел посмотрел на лес, на светящиеся лишайники, на бесконечные тени между деревьями. Где-то там, в глубине, ждали своей добычи краулеры, ползуны, серы. Где-то там бро-

дили бураши и трехрогие вепри. А еще дальше, в самом сердце леса, спали драконы, которым не было дела до маленьких человечков, затерянных в этом огромном мире.

И он, человек из другого мира, должен был научиться жить среди всего этого. Не просто выживать — жить. По-настоящему.

— Я запомню, — повторил он, и в голосе его зазвучала стальная нотка, которой не было еще месяц назад. — Обязательно запомню.

Хрыч хмыкнул, довольно блеснув глазами, спрятал нож в ножны и поднялся, разминая затекшие ноги:

— Идем в нору. Солнце уже высоко, надо готовить обед. А то ты с непривычки отощал совсем. Зайцев пугать — это тебе не отчёты писать, сил много уходит. Я сегодня похлебку сварю, с грибами. Ты такой еще не пробовал.

Павел улыбнулся и пошел за ним. Странно, но в этой норе, в этом лесу, в этом мире он начинал чувствовать себя почти дома. Почти. До полного счастья не хватало только понимания, что ждет его впереди. Но это понимание приходило с каждым днем, с каждым уроком, с каждой новой крупницей знания, которую щедро делил с ним старый, ворчливый, но бесконечно мудрый гоблин.

Заходя в нору, Павел оглянулся на лес. Тот молчал, но в этом молчании чувствовалась скрытая сила, древняя, как сам мир. Лес наблюдал за ними, оценивал, ждал. И Павел знал: однажды ему придется доказать, что он достоин жить здесь. Что он не просто случайный гость, а часть этого мира.

— Идем, Повел, — позвал Хрыч из темноты. — Чего застыл?

— Иду, учитель.

Он нырнул в прохладную темноту норы, и лес остался снаружи — ждать, наблюдать, хранить свои тайны.

Глава 4. Шёпот трав и корней

— Сегодня будем учиться главному, — объявил Хрыч наутро, когда они позавтракали остатками вчерашнего мясного варева и запили их холодной водой из ручья. Солнце только начинало подниматься над лесом, раскрашивая светящиеся лишайники на коре деревьев в золотисто-зеленые тона. — Не мечом махать, не магией сверкать, а смотреть под ноги. Лес — это книга, Повел. Самая толстая книга в мире, какую только можно представить. И если ты не умеешь её читать, ты умрёшь. Быстро и глупо. Так глупо, что даже рассказывать потом будет некому.

Они углубились в лес, туда, где деревья стояли реже, а под ногами вместо мха и папоротников росла самая настоящая трава — зелёная, сочная, пахнущая так, что кружилась голова. Это был удивительный контраст с тем сумрачным, светящимся лесом, в котором они обычно охотились. Здесь было светло, просторно и, на первый взгляд, совершенно безопасно. Но Павел уже знал: в Артане безопасных мест не бывает.

Хрыч двигался бесшумно — ноги его ступали мягко, ни одна ветка не хрустнула под его башмаками, ни один лист не шелохнулся. Он словно растворялся в лесу, становясь его частью. Павел же ломился как лось: ветки трещали, листья шуршали, камни выскакивали из-под ног, а птицы с возмущенными криками взлетали с деревьев, провожая его нелестными, наверное, комментариями.

— Тяжёлый ты, — вздыхал Хрыч, оборачиваясь на каждом шагу и с укоризной качая головой. Уши его при этом печально обвисали, придавая всей морде выражение бесконечного страдания. — Шумишь, как стадо бурашей в брачный период. Слушай землю, Повел. Она говорит. Под твоей ногой — ветка сухая, она треснет, если наступишь. Обойди. Камень мокрый — скользко, можно упасть и сломать шею. Обойди. Трава густая — там может быть нора или змея. Проверь сначала палкой, а потом уже ставь ногу.

Павел слушал и пытался делать так, как велел учитель. Получалось плохо, но он старался, чувствуя, как с каждым днем его тело становится более послушным, а движения — более осознанными. Лес переставал быть просто фоном, он превращался в сложную систему сигналов, которые нужно было научиться расшифровывать.

Они остановились у огромного валуна, поросшего мхом, — такие камни здесь называли «спящими великанами», потому что, по легендам, в незапамятные времена это были настоящие великаны, превращенные в камень за какую-то провинность перед богами. Хрыч присел на корточки и поманил Павла рукой, осторожно раздвигая траву:

— Смотри. Это бородавник. Запомни его на всю жизнь, как своё имя. Если перепутаешь — умрёшь.

Павел наклонился. Из земли торчало невзрачное растение с резными листьями и мелкими жёлтыми цветами, собранными в зонтики. Оно выглядело совершенно обычно, таких на Земле росло по обочинам дорог великое множество.

— Обычный сорняк, — сказал он с некоторым разочарованием.

— Нет, — строго ответил Хрыч, и в голосе его зазвенела сталь учителя, не терпящего возражений. — Это не сорняк. Это лекарство и яд одновременно. Видишь корень? — он пальцем отгрёб землю, показывая утолщение, похожее на репку, коричневое и морщинистое. — Это самая ценная часть. Если его отварить в воде, не меньше часа, и пить отвар — помогает от жара, от лихорадки, от любой хвори, что в теле завелась. Если растолочь в кашу и приложить к ране — гной вытягивает, заживление ускоряет втрое. Знахари за такой корень последнюю рубаху отдадут. Но если съесть сырым, просто так, без варки, прямо с грядки...

— Что? — Павел почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Умрёшь быстрее, чем от любой раны, — спокойно сказал Хрыч, будто речь шла о погоде. — Судороги, пена изо рта, сердце останавливается. Красивая смерть, но быстрая. Не мучаешься почти, минута-две — и всё. Так что запоминай: сырой бородавник — смерть, варёный — лекарство. И не вздумай пробовать на вкус, пока не сварить. Даже кусочек, даже маленький — и всё, Повел, нет тебя.

Павел кивнул, пытаясь запечатлеть в памяти и листья, и цветы, и корень. Он смотрел на растение с новым, уважительным страхом. Такое безобидное с виду, а внутри — смерть.

— А это крикун-трава, — Хрыч показал на другое растение, росшее чуть поодаль, — высокий стебель с узкими, мечевидными листьями и фиолетовыми колокольчиками, которые свисали вниз, словно стесняясь своей красоты. — Смотри внимательно. Очень внимательно.

Он осторожно, едва касаясь, провел пальцем по стеблю, и растение... закричало. Тоненько, жалобно, пронзительно, как брошенный щенок, как младенец, которого обидели. Крик был таким неожиданным и душераздирающим, что Павел отшатнулся, едва не наступив на бородавник.

— Ничего себе! — выдохнул он, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Оно живое? Оно чувствует боль?

— Оно чувствует, — поправил Хрыч, с интересом наблюдая за реакцией ученика. — Не как мы, конечно. У него нет души, как у зверя или человека. Но оно чувствует прикосновение, чувствует, когда его рвут. Если сорвать — будет кричать долго, пока не завянет, пока последняя капля сока не уйдет из стебля. Жалобно так, заунывно. Люди в городах используют её по-разному. Кладут в еду врагам, например. Сама по себе она безвредная, безвкусная, запаха не имеет. Но если смешать с грибами-поганками, с ядовитыми корнями, вкус перебивает, запах отбивает. Враг ест отраву и не подозревает, пока не поздно, пока яд не начал действовать. Хитрое растение, коварное. Потому и называют крикун-травой — предупреждает, что её трогать не надо.

— Жестоко, — сказал Павел, чувствуя, как в душе поднимается волна неприятия таких методов.

— Жизнь жестокая, — философски заметил гoblin. — Не ты, так тебя. В лесу нет места сантиментам, Повел. Запомни это раз и навсегда. Здесь или ты съешь, или тебя съедят. Или отравят. Или задушат во сне. Так что учись, пока я жив и могу тебя учить.

Они пошли дальше. Хрыч показывал десятки растений, и Павел пытался запомнить каждое, каждую деталь, каждую особенность. Голова шла кругом от обилия информации, но он понимал: это знание — его единственная страховка в этом мире.

— Вот это огневик, — Хрыч указал на растение с красными, почти алыми листьями, которые слабо светились в тени деревьев. — Видишь, какие яркие? Они даже в темноте немного светятся, багровым таким, тревожным светом. Если бросить в костёр — вспыхнет, как бензин, ярко и жарко, искры во все стороны. Можно использовать для сигнала, если заблудился, или для отпугивания тварей. Краулеры, например, огневика боятся как огня — в прямом смысле. Если обложиться ветками огневика, костёр можно не жечь — они сами светятся и греют, и запах у них для тварей противный.

— А это сон-трава, — Хрыч показал на растение, очень похожее на земной одуванчик, только пух был не белым, а сиреневым, переливающимся на солнце всеми оттенками фиолетового. — Красивая, да? А опасная. Если дунуть на неё — пыльца разлетится, и все вокруг заснут на несколько часов. Глубоким, мёртвым сном. Даже краулеры, если вдохнут, засыпают. Правда, и сам уснуть можешь, если не успеешь задержать дыхание или ветер в твою сторону подует. Охотники иногда используют — подкрадываются к стае серов, дуют на сон-траву, а потом режут спящих. Тоже способ.

Павел смотрел на прекрасное, безобидное с виду растение и чувствовал, как мурашки бегут по коже. Смерть могла скрываться где угодно — в ярком цветке, в сочной траве, в красивом грибе.

— А это железняк, — Хрыч остановился у дерева с серебристой корой, которая переливалась на солнце, будто настоящее железо. Дерево было огромным, выше всех остальных, и казалось, что оно смотрит на них свысока, как древний царь на мелких муравьёв. — Самое ценное дерево в лесу. Древесина твёрже камня, топор не берёт, стрела отскакивает, огонь не жжёт. Рубить его нельзя. Бесполезно.

— А как же тогда использовать? — удивился Павел. — Если оно такое твёрдое?

— Просить надо, — загадочно улыбнулся гoblin, и в глазах его заплескали хитринки. — По-хорошему просить. С уважением.

— Просить? Дерево?

— Лес живой, Повел. Всё живое. Каждая травинка, каждый жук, каждый муравей, каждое дерево. Ты здесь гость. Веди себя хорошо, уважай лес — лес поможет. Будешь гадить, ломать, убивать просто так, ради забавы — лес накажет. Заблудишься, в трясину угодишь, краулеры найдут. Железняк, если попросить, сам отдаст ветку. Нужно только объяснить, зачем она тебе, для какого дела. И поблагодарить потом, подношение оставить — горсть зерна, кусочек соли, красивый камень. Дерево любит, когда его благодарят.

— И часто ты так делаешь? — скептически спросил Павел, которому такое отношение к деревьям казалось диким.

— Всегда, — серьёзно ответил Хрыч, и в голосе его не было и тени сомнения. — Я в этом лесу родился и вырос. И хочу в нём умереть своей смертью, а не быть съеденным за неуваже-

ние. Ты думаешь, я шучу? Думаешь, сказки рассказываю? Попробуй как-нибудь сломать ветку просто так, без спроса, для забавы. Посмотрим, как быстро ты заблудишься и попадешь в лапы к краулерам. Лес помнит обиды, Повел. И не прощает.

Павел не стал спорить. Мало ли, вдруг Хрыч прав? В этом мире всё было возможно. Он уже видел светящиеся деревья, говорящие растения, магию. Почему бы деревьям не быть разумными?

Дальше были грибы — огромные, с человеческую голову, растущие на пнях и валежнике. Они выглядели как пришельцы из другого мира — причудливые, яркие, непохожие ни на что, виденное Павлом раньше. Одни светились в темноте мертвенно-бледным светом, другие пахли тухлым мясом, привлекая мух и падальщиков, третьи издавали тихий, едва слышный звон, если до них дотронуться — будто внутри у них были спрятаны крошечные колокольчики.

— Эти можно есть, — показывал Хрыч, осторожно срезая гриб с толстой, мясистой ножкой. — Они вкусные, если пожарить с луком. А эти нельзя — сожжешь кишки, будешь неделю мучиться, а потом всё равно умрёшь, если знахаря вовремя не найдёшь. Эти — если высушить и растереть в порошок, сон навевают, крепкий, без сновидений. Знахари используют для больных, чтобы те не мучились. А эти — галлюцинации вызывают, видения. Если съешь, увидишь духов леса. Или краулеров. Но краулеры потом настоящие придут, на запах, так что лучше не надо, если жить хочешь.

Павел кивал, запоминал, старался не путать. Перед глазами мелькали грибы — красные, синие, полосатые, пятнистые, с шляпками причудливых форм, с ножками, покрытыми странным узором. Голова шла кругом от обилия информации, но он чувствовал, как знания укладываются в памяти, создавая сложную, многомерную карту этого мира.

К вечеру они вернулись в нору, нагруженные корнями, грибами и пучками трав. Павел чувствовал себя выжатым, как лимон, но довольным. Он узнал столько, сколько не узнавал за всю свою земную жизнь, проведенную за компьютером и отчетами.

Хрыч разложил добытое на циновках у входа в нору, чтобы просушить на ночном воздухе — говорят, лесная сырость придает травам особую силу. Павел сидел рядом, наблюдая, как учитель ловко сортирует растения, раскладывая их по кучкам: съедобные, лекарственные, ядовитые, магические.

— Лес — это аптека, — подвёл итог Хрыч, развешивая пучки трав для просушки на специальных крючках под навесом. — И еда, и лекарство, и оружие. Всё в одном. Только знать надо, что где лежит, как собирать, когда собирать, с какими мыслями собирать.

— А если не знать?

— Тогда лес станет твоей могилой, — просто ответил гoblin, даже не повернув головы. — Поэтому учись, Повел. Времени у нас много. Лес большой, трав много, всего не перечислить. Но основы ты должен знать твёрдо. Как свои пять пальцев. Как имя матери.

Павел посмотрел на разложенные вокруг травы, на грибы, на корни. Каждое растение было либо лекарством, либо ядом, либо едой. И только знание отделяло одно от другого. Тонкая грань между жизнью и смертью, которую нужно было научиться чувствовать.

— Я выучу, — сказал он. — Всё выучу. До последней травинки.

— Выучи, — кивнул Хрыч, и в голосе его послышалось одобрение. — А завтра пойдём дальше. Лес большой. Трав ещё много. Есть такие, что только раз в году цветут, в полнолуние. Есть такие, что растут только на костях. Есть такие, что сами охотятся на животных. Лес полон чудес, Повел. И чудеса эти могут тебя убить быстрее любого краулера.

Он зевнул, потянулся, хрустнув суставами, и полез в нору, бормоча что-то про усталые кости и молодых, которым всё нипочём. Павел остался сидеть у входа, глядя на светящиеся лишайники на деревьях, на звёзды, начинающие загораться в тёмном небе, на тени, что прятались между стволами. Где-то вдали ухнул древесный дракончик, зашуршали листья — может, ветер, может, зверь, может, кто-то страшнее.

Лес жил своей жизнью. Ночной, тайной, опасной. И Павел начинал понимать, что это за жизнь. Не умом — нутром, кожей, каждым нервом.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям и полез следом за Хрычом. Завтра будет новый день. И новый урок. А пока нужно было спать, набираться сил для новых знаний, новых открытий, новых опасностей.

Нора встретила его запахом трав и тёплой земли. Где-то в углу мерно посапывал Хрыч, и этот звук был удивительно успокаивающим. Павел закрыл глаза и провалился в сон — глубокий, без сновидений, какой бывает только после по-настоящему тяжёлого дня.

Глава 5. Карты и вера

Дождь лил третий день подряд. Не такой, как на Земле — мелкий и нудный, способный испортить настроение, но не более того, а настоящий лесной ливень, когда вода льёт сплошной стеной, застилая горизонт, а небо становится чёрным, как ночью, даже в полдень. Капли были такими крупными и тяжёлыми, что, казалось, пробивают землю насквозь, и каждый удар отдавался глухим эхом в глубине норы. Сидеть в тесном убежище было тоскливо, но Хрыч не терял времени даром. Он вообще никогда не терял времени даром, словно знал, что каждый миг без учебы — это шаг к гибели.

— Сегодня — география, — объявил он, разворачивая на полу большой кусок бересты, испещрённый линиями, кружками и странными значками, напоминающими древние руны. Береста была старой, пожелтевшей от времени, кое-где потрескавшейся, но линии оставались чёткими, словно их нанесли только вчера. — Без географии ты в лесу как слепой котёнок, как червяк в навозной куче. Заблудишься — и костей не соберут, даже хоронить будет нечего. Лес прощения не знает, Повел. Он ошибок не прощает.

Павел склонился над картой, вглядываясь в замысловатые линии. Горы, леса, реки, значки городов и деревень — всё это было нарисовано грубо, но, как уверял Хрыч, с точностью, выверенной годами странствий и обмена информацией с другими обитателями леса. Гоблин водил корявым пальцем по бересте и комментировал, и голос его звучал торжественно, как у летописца, повествующего о великих событиях:

— Вот здесь мы. Оскольный Лес. Видишь большое зелёное пятно, похожее на разлитую краску? Это он и есть. На много дней пути в любую сторону. На север, на юг, на восток, на запад — везде лес, лес, лес, пока за горы не уйдёшь или до моря не доберёшься. Здесь живут гоблины, как я, полурослики иногда встречаются, изгои всякие, кто не прижился у людей или у своих. Люди сюда суются редко — боятся. И правильно делают. Для человека этот лес — смерть. Для нас — дом.

— А кто тут хозяин? — спросил Павел, с интересом разглядывая карту. — У леса есть хозяин? Кто здесь главный?

— Лес сам себе хозяин, — ответил Хрыч, и в голосе его послышались нотки глубокого уважения. — Есть, правда, Старые Хранители — духи, которые тут живут с незапамятных времён, с тех пор, как мир только создали. Но они не вмешиваются в дела смертных. Им всё равно, кто тут охотится, кто умирает, кто рождается. Они смотрят за лесом, за деревьями, за зверьём, за тем, чтобы равновесие не нарушалось. А люди для них — как муравьи для нас. Есть — и ладно, нет — и ладно. Главное, чтобы лес не горел и зверьё не переводилось.

— А ты их видел?

— Нет. — Хрыч мотнул головой, и уши его испуганно прижались к голове. — И не хочу. С духами лучше не встречаться. Они непредсказуемые. Могут помочь, если понравишься. А могут и в дерево превратить, если не понравишься. Я слышал, одного охотника, который слишком много зверья набил без нужды, Хранители в пенё превратили. Так и стоит теперь у тропы, мохом оброс, птицы на нём гнезда вьют.

Хрыч повёл пальцем на запад, туда, где зелёное пятно леса граничило с жёлтыми равнинами и значками городов, похожими на маленькие крепости:

— За лесом — Людские Земли. Вот здесь большое королевство — Эридания. Столица — Эридан-на-Холмах. Там живёт король, лорды, рыцари в блестящих доспехах. Красиво, говорят, но гнило внутри. Интриги, заговоры, борьба за власть, яды в вине и ножи в спину. Воюют постоянно с соседями. С Торвальдом, например, уже лет сто воюют, никак не поделят спорные земли.

Он показал на северо-запад, где карта становилась более гористой и суровой:

— Торвальд — страна воинов. Там северяне живут, суровые люди. Морозы, снега, скалы, ветра такие, что кости ломит. Эльфов не любят, магию не любят — только мечи и силу уважают. Если торвальдец дал слово — сдержит, даже если умрёт при этом. Если пообещал убить — убьёт, даже если через двадцать лет. Простые они, грубые, но честные. И опасные, как бураши. Лучше с ними не ссориться.

— А эльфы где?

Хрыч показал на западное побережье, где зелёные пятна лесов соседствовали с синими линиями рек и моря, образуя причудливый узор:

— Эльфы здесь. Леса Вечной Осени называются. Чужаков не пускают. Живут по тысяче лет, никуда не спешат, всё думают о высоком, стихи сочиняют, на звёзды смотрят. Высокомерные, заносчивые до невозможности. Считают себя лучше всех. Людей презирают за короткую жизнь и суету. Гномов — за жадность и грубость. Нас, гоблинов, вообще за грязь под ногами, за плесень на пне. Но оружие у них хорошее, луки особенно. И магия сильная, древняя, от самих богов унаследованная.

— А гномы?

— Гномы под горами живут, — Хрыч ткнул пальцем в горную гряду, отделяющую Людские Земли от восточных равнин. Горы были нарисованы зубцами, похожими на пилу. — Подгорное Царство. Города в скалах, шахты глубиной до самого сердца мира, кузницы, где день и ночь стучат молоты. Жадные до золота до безумия, до дрожи в коленях, но слово держат крепче камня. Если гном сказал «сделаю» — сделает. Даже если умрёт по дороге. Торгуют со всеми, кто платит. Людей не любят, но терпят — люди покупают их оружие и доспехи, платят хорошую цену. Эльфов не любят сильно, потому что эльфы леса не дают рубить, а дерево гномам нужно для подпорок в шахтах и для рукоятей к инструментам. В общем, сложно у них, запутано.

— А орки?

— Орки за горами, — Хрыч показал на восток, за горную гряду, где на карте были нарисованы пустоши и степи, обозначенные жёлтым и коричневым. — В Пустоши. Племенами кочуют, охотятся, воюют друг с другом, детей учат с пелёнок мечом махать. Не всегда злые, как люди думают. Просто жизнь у них тяжёлая — земли бедные, скота мало, жрать нечего, зимы холодные. Вот и лезут в набеги, когда голодно. Иногда грабят, когда есть что грабить. Но если договориться, предложить еду или золото, или оружие — могут и союзниками стать.

Я слышал, некоторые племена с людьми торгуют, даже с эльфами иногда, если те снизойдут. Редко, но бывает.

Павел рассматривал карту, впитывая информацию, как губка. Мир Артаны был огромен. Намного больше, чем он думал. За лесами, горами, пустошами скрывались другие земли, другие народы, другие культуры. И он, человек из другого мира, должен был найти своё место в этом сложном, многогранном мире.

— А Ветры Судьбы, про которые ты говорил? — спросил он, возвращаясь к теме, которая волновала его больше всего. — Это боги? Или что-то другое?

— Нет, — Хрыч покачал головой, и уши его закачались в такт движению. — Ветры — это сила. Никто не знает, откуда она взялась. Говорят, когда мир только создавали, что-то пошло не так, и образовались дыры между мирами. А Ветры — это дыхание этих дыр, выдох самой вселенной. Иногда они подхватывают людей и переносят, как тебя. Из одного мира в другой. Или из одного места в другое, но далеко-далеко, за тысячи вёрст. К Ветрам не молятся. Им всё равно, есть ты или нет, молишься ты или плюёшь в их сторону. Они просто дуют, и всё. Как обычный ветер. Только сильнее.

— А кому тогда молятся? Если богов нет?

Хрыч задумался, почесал острый подбородок, покрытый редкой щетиной, и в глазах его появилось выражение глубокой задумчивости:

— Кого любят и потеряли, — сказал он наконец, и голос его стал тише, мягче, словно он говорил о чём-то сокровенном. — Я, например, с матерью разговариваю, когда трудно. Она давно умерла, а я всё равно с ней говорю. Рассказываю, что случилось, спрашиваю совета, как поступить. Иногда кажется, что отвечает. Шепчет что-то на ухо, подсказывает. Помогает. Легче становится.

Впервые за всё время знакомства Павел увидел в глазах гоблина не хитрую искру, не озорной блеск, не учительскую строгость, а настоящую, глубокую, выстраданную печаль. Хрыч тоже терял близких. Хрыч тоже знал, что такое одиночество и боль утраты. И это делало их ближе, понятнее друг другу.

— А ты? — спросил гоблин, поднимая глаза на Павла. — Ты кому-нибудь молишься? У вас там, в твоём мире, есть боги?

— Не знаю, — честно признался Павел, чувствуя, как привычная тяжесть ложится на сердце. — На Земле... в моём мире... многие верят в бога. В одного, который всё создал, всем управляет, всё видит. Храмы строят красивые, свечи ставят, просят о помощи, о здоровье, о деньгах, о любви. Но я никогда не чувствовал, что он слышит. Что ему есть до меня дело. Стоял в церкви, смотрел на иконы, а внутри — пустота. Никакого отклика. Как в стену говорить.

— Может, и не слышит, — пожал плечами Хрыч, и в этом жесте не было цинизма, только констатация факта. — Может, он тоже есть, но ему всё равно, как Хранителям леса. Создал мир, запустил механизм и ушёл по своим делам. А может, и нет его. Я не знаю. И никто не знает. Мы можем только верить. Или не верить. Выбор за каждым.

Павел кивнул. В чём-то Хрыч был прав. Вера — это личное. У каждого своя, выстраданная, выношенная в душе.

— А знаешь, — вдруг сказал Хрыч, и глаза его хитро блеснули, — я вот что думаю. Может, боги — это не те, кто сидит на небесах и командует. Может, боги — это те, кто рядом, кто помогает, кто учит, кто спасает. Вот я для тебя кто? Учитель. Спаситель. Друг. Может, я для тебя — бог? А ты для меня? Ты появился в моей жизни, когда я уже думал, что всё, один до смерти доживать буду. А ты пришёл, и стало веселее. Может, ты для меня — подарок судьбы? Или тот самый ветер, что принёс мне радость?

Павел улыбнулся, и на душе стало тепло от этих простых, но таких искренних слов:

— Спасибо, учитель. За всё. За карту, за рассказы, за то, что учишь меня, за то, что терпишь мою глупость.

— Не за что, — отмахнулся гоблин, но по глазам было видно — ему приятно. Очень приятно. — Ты ученик. Я учитель. Так и должно быть. Так мир устроен.

Он свернул карту, бережно, словно это было величайшее сокровище, убрал её в угол, где на специальной полке лежали другие берестяные свитки, покрытые пылью и пахнущие древностью:

— Теперь спи. Завтра, если дождь кончится, пойдём на зайцев охотиться. Настоящих охотников покажу.

— На зайцев? — удивился Павел. — Это же легко. Я вон сколько их в лесу видел, они от меня бегают.

Хрыч хитро прищурился, и уши его задрожали от сдерживаемого смеха:

— На злых зайцев, Павел. Которые на людей нападают. Зубы — во какие, — он развёл пальцы на полметра, изображая чудовищные клыки. — И прыгают, как бешеные, и злые, как краулеры. Легко, говоришь? Посмотрим завтра, как ты запоешь, когда такой заяц на тебя пойдёт.

Павел представил себе зайца с полуметровыми зубами, несущегося на него, и поёжился. Оптимизма прибавилось.

— А может, не пойдём? — осторожно спросил он.

— Пойдём, пойдём, — довольно захихикал Хрыч. — Учиться надо. Всё пробовать. Заяц — это хорошая школа. Быстрый, злой, хитрый. Если научишься с зайцем справляться, с сером легче будет.

Павел вздохнул, но спорить не стал. Учитель знал лучше.

Он залез в свой угол, закутался в вонючее, но тёплое одеяло из шкур, и закрыл глаза. Дождь за стеной норы шумел ровно и успокаивающе, барабанил по земле, создавая ощущение

уют и защищённости. Где-то далеко ухнул ночной зверь, но это было уже не страшно — рядом сопел Хрыч, ворчал во сне, и это было главным успокоительным.

— Хрыч, — позвал он в темноту, сам не зная зачем.

— Чего? — сонно отозвался гоблин.

— А ты правда веришь, что я выживу? Что у меня получится стать своим в этом мире?

Гоблин помолчал, сопя и ворочаясь, потом ответил, и голос его звучал уверенно, без тени сомнения:

— Верю. Ты цепкий, как репей. И учишься быстро, как молодой бураш. А главное — ты хочешь жить. По-настоящему, каждой клеткой, каждым нервом. Это важнее всего. Тот, кто хочет жить, всегда выживет. Даже если весь мир против него.

— Спасибо, — тихо сказал Павел.

— Спи давай. Завтра рано вставать. Зайцы ждать не будут.

Павел улыбнулся в темноту и закрыл глаза. Дождь шумел, убаюкивая, Хрыч посапывал, лес жил своей ночной жизнью за стенами норы. И в этом было что-то правильное, настоящее, чего так не хватало в его прошлой жизни.

Он не один.

А значит, всё будет хорошо. Или, по крайней мере, будет так, как должно быть.

Глава 6. Первая охота.

Дождь кончился на четвёртый день так же внезапно, как и начался. Проснувшись утром, Павел не услышал привычного барабанного стука по земляной крыше норы. Вместо этого была тишина — звонкая, прозрачная, наполненная птичьими голосами и запахом мокрой земли. Он вылез наружу и зажмурился — лес стоял мокрый, сверкающий, пахнувший озоном и прелой листвой. Солнце пробивалось сквозь поредевшие тучи, и светящиеся лишайники на коре деревьев гасли, уступая место обычному дневному свету. Каждая травинка, каждый лист были усыпаны каплями, которые горели в лучах солнца, как тысячи крошечных бриллиантов.

— Красота какая, — выдохнул Павел, оглядываясь вокруг.

— Красота, — согласился Хрыч, вылезая следом и шурясь на солнце. — Но ты на красоту не заглядывайся. Лес после дождя коварный. Мокро, скользко, звери голодные и злые. Сегодня покажешь, чему научился.

Он вручил Павлу самодельный лук — грубый, но, как уверял гоблин, надёжный, сделанный из гибкого дерева и прочной тетивы, сплетённой из жил бураша. Рядом с луком лёг колчан с тремя стрелами — наконечники были костяными, остро заточенными, древки — прямыми и лёгкими.

— Стрелы всего три, так что не мажь, — строго предупредил Хрыч, поправляя на поясе свой кривой нож. — Понял? Три выстрела — три шанса. Если промажешь все три — будешь голодный. Или мёртвый, если промажешь по тому, кто охотится на тебя.

— Понял, — кивнул Павел, сжимая в руках оружие. Лук был непривычно тяжёлым, тетива резала пальцы, но Хрыч уже не раз объяснял, как держать, как целиться, как дышать во время выстрела. Павел надеялся, что хоть что-то запомнил из этих уроков.

Они углубились в лес. Павел старался ступать бесшумно, как учил Хрыч, но то ветка хрустнет под ногой, то камень выскочит, то рюкзак зацепится за куст, то капли с листьев обрушатся на голову с громким шорохом. Гоблин шёл впереди, бесшумный, как тень, как призрак, и только уши его шевелились, ловя каждый звук, каждый шорох, каждое движение в лесу.

— Слушай лес, — прошептал он, останавливаясь и приседая на корточки. Жестом он показал Павлу замереть и прислушаться. — Он говорит. Слышишь?

Павел замер, затаил дыхание, прислушался. Птицы пели, пересвистывались, перекликались на разные голоса. Где-то далеко ухал древесный дракончик, совсем рядом журчал ручей, пробираясь между камнями. Ветер шелестел листвой, создавая непрерывный, успокаивающий фон. Ничего необычного, ничего опасного.

— Вон, слева, заяц-переросток, — Хрыч кивнул в сторону густых кустов, заросших колючкой и диким малинником. — Сидит, жуёт коренья, жиром наедается после дождя. Слышу, как хрустит. Челюсти у него мощные, корни перегрызает с хрустом. Тихо подойдём. И смотри под ноги — сухих веток много.

Они крались минут двадцать, не меньше. Павел чувствовал, как от напряжения затекают ноги, как пот стекает по спине, как сердце колотится где-то в горле. Каждый шаг давался с трудом, каждое движение требовало невероятной концентрации. Наконец, выглянув из-за куста, раздвинув колючие ветки, он увидел зайца.

Зверёк был размером с небольшую собаку — килограммов двадцать, не меньше. Длинные острые уши торчали вверх, постоянно поворачиваясь, ловя звуки. Зубы — два огромных резца — торчали наружу, даже когда он жевал, и блестели на солнце, как хорошо заточенные ножи. Шерсть у него была серая, с рыжеватым отливом, густая и лоснящаяся, а глаза — красные, злые, налитые кровью. Он сидел на задних лапах, держа в передних какой-то корень, и деловито его грыз, с хрустом перемалывая древесину.

— Это заяц? — прошептал Павел, чувствуя, как отвисает челюсть. — У него глаза горят! Зубы — как у хищника!

— Я же говорил — злой, — усмехнулся Хрыч, довольно скалясь. Его уши мелко подрагивали от возбуждения. — Целься в шею, под ухо. Там шкура тоньше, стрела войдёт легче. В лоб бесполезно — череп толстый, только разозлишь, сломаешь стрелу и останешься без оружия.

Павел натянул тетиву. Руки дрожали мелкой дрожью. Он никогда не охотился по-настоящему — только в компьютерных играх, где достаточно нажать кнопку и прицелиться мышкой. Здесь всё было иначе. Здесь от его выстрела зависела жизнь — зайца или его самого. Здесь ветер мог отклонить стрелу, рука могла дрогнуть, заяц мог заметить движение раньше времени.

— Давай, — шепнул Хрыч, дыша в самое ухо. — Не думай, просто делай. Ты умеешь. Я тебя учил. Верь в себя.

Павел выдохнул, задержал дыхание, прицелился — и отпустил тетиву.

Стрела свистнула, мелькнула в воздухе, разрезая его со звоном... и прошла мимо, воткнувшись в землю в двух шагах от зайца, задрожав оперением.

Заяц подскочил как ужаленный, развернулся на месте, увидел людей — и оскалился. Зубы у него и правда были длинные, острые, как кинжалы, и их было много — целая пасть, полная смерти. Глаза вспыхнули красным, и он бросился на них!

— Бежим! — заорал Хрыч, разворачиваясь и срываясь с места с такой скоростью, которой Павел от него никак не ожидал.

Павел бежал за ним, не разбирая дороги, перепрыгивая через корни и валуны, уворачиваясь от веток, которые хлестали по лицу, оставляя кровавые полосы. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть, дыхание со свистом вырывалось из лёгких, в боку кололо так, что хотелось лечь и умереть. Сзади слышался топот и злобное, какое-то нечеловеческое урчание — заяц не отставал, он гнался за ними, и в этом урчании слышалась такая жажда крови, что волосы на затылке вставали дыбом.

Они влетели в заросли колючего кустарника — Хрыч специально повернул туда, зная, что колючки здесь особенные, цепкие, как живые. Ветки хлестали по лицу, царапали руки, рвали одежду, цеплялись за волосы, норовя остановить, задержать, не пустить дальше. Павел

продирался сквозь них, не чувствуя боли, не замечая порезов — только адреналин гнал вперёд, только страх придавал сил.

Заяц завяз в колючках, заверещал от злости и боли, забился в кустах, но не отставал — он рвался вперёд, с яростью, достойной голодного волка, и колючки не могли его остановить.

Наконец они выскочили на поляну и остановились, тяжело дыша, хватая ртами воздух. Павел упал на колени, чувствуя, как лёгкие горят огнём. Заяц остался в кустах — видимо, решил, что охота не стоит таких мучений, или просто застрял в колючках окончательно. Его злобный визг постепенно удалялся, затихая где-то в чаще.

— Я же говорил — злые! — выдохнул Хрыч, вытаскивая колючки из штанов и рубахи, из своих чувствительных ушей, из редкой щетины на подбородке. На лице его была написана смесь пережитого ужаса и какого-то дикого, почти истерического веселья. — Видел? Видел, какие зубы? Он бы нам кишки выпустил и не подавился! Я таких зайцев знаю — они охотятся стаями, загоняют добычу, как серы!

Павел сидел на земле, пытаясь отдышаться, чувствуя, как дрожат ноги и руки, как колотится сердце, и вдруг расхохотался. Истерически, на грани истерики, взхлёб, до слёз, до боли в животе.

— Ты чего? — удивился гоблин, глядя на ученика с неподдельным беспокойством. Может, с ума сошёл от страха? Бывает такое с людьми...

— Я... я из другого мира... — сквозь смех выдавил Павел, вытирая слёзы. — Прошёл через портал... выжил в лесу... учился магии, языку, травам... и меня чуть не сожрал злой заяц! ЗАЯЦ! Понимаешь? Не волк, не медведь, не краулер — заяц! Травоядное! Пушистое!

Хрыч посмотрел на него, подумал — и тоже засмеялся. Скрипуче, каркаяще, заливисто, хлопая себя по ляжкам и тряся ушами:

— Ага! Добро пожаловать в Артану! Здесь зайцы охотятся на людей, а люди — на зайцев! Здесь всё не так, как в твоём мире! Здесь даже трава может убить, даже цветок — отравить, даже гриб — сожрать тебя изнутри! Запомни это, Повел. Здесь всё не так, как ты привык. Здесь правила другие.

Они ещё долго сидели на поляне, приходя в себя и посмеиваясь над случившимся. Павел чувствовал, как уходит напряжение, как страх превращается в опыт, как эта неудача становится важным уроком. Он провалил охоту, опозорился перед учителем, чуть не стал завтраком для бешеного грызуна. Но он остался жив. И узнал важный урок: в Артане нельзя расслабляться ни на секунду. Здесь даже безобидное с виду существо может оказаться смертельным врагом.

— Ничего, — сказал Хрыч, поднимаясь и отряхиваясь. Он вытащил из уха особенно крупную колючку, поморщился и продолжил: — В следующий раз получится. Обязательно получится. Я в тебя верю, Повел. Ты просто испугался, растерялся. Для первого раза — нормально. Главное, что живой.

— Спасибо, учитель.

— А пока пошли назад. У меня в норе припасено мясо. Не заячье, но тоже вкусное. Вчерашнее, вяленое, с травами. Поужинаем и будем думать, как тебя дальше учить, чтобы ты не позорил моё доброе имя перед лесными тварями.

Павел поднялся, отряхнул штаны, пощупал царапины на лице и пошёл за Хрычом. Ноги всё ещё дрожали, но на душе было легко и светло, как после хорошей встряски. Он сделал первый шаг. Неудачный, глупый, позорный, но первый. И это было главное.

— Хрыч, — спросил он на ходу, осторожно ступая по мокрой траве. — А часто они нападают?

— Зайцы? — гoblin обернулся, и уши его смешно качнулись. — Да когда как. Если сытые — проходят мимо, не обращают внимания. А если голодные — могут и стаей напасть. И тогда держись. Они хитрые, окружают со всех сторон, отсекают пути к отступлению. Я один раз в такую засаду попал — еле ноги унёс, на дерево залез и двое суток сидел, пока они внизу караулили.

— Стаей? — ужаснулся Павел. — Зайцы — стаей?

— Ну да. Они же как волки, только с длинными ушами и зубами побольше. Ты главное запомни: в этом лесу нет безобидных зверей. Вообще нет. Каждый, даже самый маленький и пушистый, хочет жрать. Вопрос только — что именно. Трава, грибы, корешки или твоё мясо.

Павел вздохнул и ускорил шаг. Нора Хрыча, вонючая и сырая, с её вечным запахом плесени и копчёного мяса, сейчас казалась ему самым безопасным, самым надёжным местом во всех мирах.

Они вошли в лес, и вскоре поляна с колючками осталась позади. Впереди был ужин, тёплый очаг и очередной урок. Жизнь в Артане продолжалась, и она становилась всё интереснее с каждым днём.

Глава 7. Серые глаза Торнхейма.

Три года пролетели как один миг. Иногда Павлу казалось, что он только вчера вышел из арки, оглушённый запахом озона и первобытным ужасом, а иногда — что прожил в Артане всю жизнь, что другой, земной жизни и не было вовсе, а была лишь долгая, серая, утомительная подготовка к чему-то настоящему.

Он освоил язык — теперь говорил на нём почти без акцента, хотя Хрыч всё ещё ворчал, что «р» он выговаривает не так, как надо, не с тем гортанным рыком, какой положен настоящему лесному жителю. Научился охотиться — не только на злых зайцев, от которых до сих пор вздрагивал при встрече, но и на серьёзную дичь: оленей, кабанов, даже один раз подстрелил сера, правда, тот успел ранить его в плечо, и шрам до сих пор ныл в сырую погоду, напоминая о той схватке. Научился различать съедобные корни от ядовитых, читать следы на любой почве, ставить защитные щиты от мелких хищников, разжигать костёр одной мыслью и даже лечить небольшие раны с помощью трав и магии.

Тело его изменилось — исчезла офисная бледность, дряблые мышцы налились силой, кожа потемнела от солнца и ветра, покрылась шрамами — памятью о стычках с лесными обитателями. Глаза стали другими — в них появилась та особая, спокойная настороженность, какая бывает только у людей, привыкших к постоянной опасности. Он научился видеть в темноте почти как кошка, слышать то, чего не слышат обычные люди, чувствовать лес каждой клеточкой тела.

Хрыч оказался изгоем из своего клана. Павел узнал об этом случайно, когда гoblin напился хмельного мёда, припасённого для особых случаев, и разоткровенничался, сидя у костра и глядя на огонь мутными, слезящимися глазами.

— Слишком умный я для них, — бормотал он, покачиваясь и роняя голову на грудь. — Слишком любопытный. Всё спрашивал: «Почему так, а не иначе? Почему мы живём в грязи и едим отбросы, когда можем жить лучше? Почему мы боимся людей, когда мы сильнее, чем думаем?» А в клане это не любят. Там надо делать, как все, думать, как все, жить, как все. Стадо, понимаешь? Огромное стадо гоблинов, которое боится высунуть нос из своей норы. А я не мог. Вот и выгнали. Сказали: иди, умник, ищи свою правду, а нам такая правда не нужна.

— А семья? — спросил Павел, чувствуя, как внутри закипает сочувствие. — Родители? Братья?

— Мать умерла давно. Ещё до того, как меня выгнали. Отца вообще не знал — у гоблинов отцы редко задерживаются рядом с детьми. Братья... какая там семья? — Хрыч горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли, что Павлу захотелось обнять старого гоблина. — Они первые и прогнали, когда вождь сказал. Чтобы выслужиться, показать, что они свои, что они не такие, как я. Чтобы их не тронули за компанию. — Он махнул рукой, расплескав остатки мёда из кружки. — Так что я теперь сам по себе. Одинокий старый гoblin в лесу. Никому не нужный, никому не интересный. Тебя вот встретил, и то хорошо. Хоть поговорить есть с кем.

Павел тогда впервые обнял его — неуклюже, по-человечески, но от души. Хрыч сначала опешил, замер, не зная, как реагировать, а потом засопел и уткнулся носом ему в плечо, и Павел почувствовал, как по его рубашке растекается тёплое пятно — то ли пролитый мёд,

то ли гоблинские слёзы. С тех пор они стали не просто учителем и учеником, а друзьями. Настоящими, близкими, как семья, как те, кто прошёл через огонь и воду вместе.

По вечерам, сидя у костра, Павел рассказывал гоблину про свой мир. Про интернет, где можно узнать всё что угодно, просто задав вопрос, не выходя из дома. Про самолёты, которые летят быстрее звука, перевозят людей через океаны за несколько часов. Про войны, где люди убивают друг друга, даже не видя лица врага, нажимая кнопки за тысячи километров. Про атомную бомбу, способную уничтожить целый город одним ударом, превратив его в радиоактивную пустыню. Про то, как миллионы людей живут в каменных джунглях, не зная имён соседей по лестничной клетке.

Хрыч слушал, качал головой и удивлялся, и в его жёлтых глазах загоралось то же любопытство, какое Павел видел в первый день их знакомства:

— Странные вы, люди. Жестокие. Мы, гоблины, когда дерёмся, мы друг друга видим, кровь нюхаем, в глаза смотрим, смерть лицом к лицу встречаем. А вы убиваете за идеи, которых в руках подержать нельзя. За картинки в голове. За то, что кто-то сказал, кто-то придумал, кто-то нарисовал. Разве это правильно? Разве можно убивать того, кого не видишь?

— Не знаю, — честно отвечал Павел, и в голосе его звучала та самая усталость, с которой он пришёл в этот мир. — Наверное, нет. Но так устроен мой мир. Там все так живут. И я жил, пока не попал сюда. Не задумывался, не спрашивал, просто жил, как все.

— Хорошо, что ты отсюда ушёл, — заключал Хрыч, подбрасывая ветки в костёр. — Здесь ты стал человеком. А там был... как это ты говорил? Виток в системе?

— Винтик. Или винтик. Да, там я был винтиком. Маленькой деталькой в огромной машине, которую в любой момент можно заменить другой такой же деталькой.

— А здесь ты — Повел. Мой ученик. Охотник. Почти маг. Это лучше, чем винтик. Намного лучше.

Павел улыбался и соглашался. Здесь он действительно чувствовал себя живым.

На исходе третьего года припасы стали подходить к концу. Соль, которой Хрыч дорожил больше жизни и расходовал с величайшей экономией, почти закончилась — оставалось на пару недель, не больше. Наконечники для стрел иступились, расщепились, некоторые сломались при неудачных выстрелах. Хорошая кожа для починки одежды и обуви была на исходе, а зима не за горами. Нужно было идти в город, менять добытое на нужные вещи, пока совсем не пропали.

— Есть город на востоке, Торнхейм, — сказал Хрыч однажды утром, перебирая свои пожитки и раскладывая их на две кучи: то, что можно продать, и то, что нужно оставить. — Людской. Не самый большой, но торговый, купцы туда со всех земель приезжают. Туда разные ходят — и люди, и гномы, и даже эльфы иногда заглядывают, если нужна особая работа или редкие товары. Сходим? Ты ещё не видел настоящих людских городов.

Павел задумался. Он ни разу не был в людских поселениях за все три года. Хрыч говорил, что чужаков там не любят, особенно таких подозрительных, как Павел — без роду, без племени, с непонятным акцентом и странными манерами. Но если вести себя тихо, не лезть

на рожон, не задавать лишних вопросов — можно и поторговать, обменять шкуры на соль и наконечники.

— Сходим, — решил он, чувствуя, как внутри загорается любопытство. — Надо же мне когда-то увидеть, как живут нормальные люди в этом мире. А то я только гоблинов и видел, да и то одного.

— Нормальные? — усмехнулся гоблин, упаковывая в мешок связку сушёных грибов. — Нормальных не бывает. Бывают разные. Увидишь сам. Только держись рядом со мной и рот лишний раз не открывай.

Дорога до Торнхейма заняла три дня. Шли лесом, знакомыми тропами, потом вышли на тракт — широкую, утрамбованную дорогу, по которой то и дело проезжали повозки, телеги, всадники. Павел глазел по сторонам, как деревенщина, впервые попавший в столицу. Всё было интересно: и люди в странной одежде — кто в кожаных куртках, кто в домотканых рубахах, кто в добротных суконных плащах; и лошади, которых он раньше видел только на картинках и в фильмах — грациозные, сильные животные с умными глазами; и гномы — коренастые, бородатые, с тяжёлыми молотами за поясом и суровыми, обветренными лицами.

Торнхейм оказался типичным средневековым городом — именно таким, каким Павел представлял его по книгам и фильмам. Высокие каменные стены с башнями, на которых развевались флаги, узкие ворота, у которых стояли стражники в кожаных доспехах, лениво проверяя входящих и беря мелкую мзду с торговцев. Кривые улочки, вымощенные булыжником, островерхие крыши домов, нависающие так, что почти касались друг друга, создавая вечный полумрак даже в солнечный день. Вонь от помоек и лошадиного навоза, смешанная с запахом жареного мяса, свежего хлеба, пряностей и ещё чего-то неуловимо чужого. Гомон рынка, перекрывающий все остальные звуки — крики торговцев, рёв ослов, лай собак, плач детей. И величественный замок на холме, возвышающийся над городом, — серый, суровый, с бойницами и флагами на башнях.

Павел глазел по сторонам, забыв обо всём. Хрыч дёргал его за рукав, тащил в нужную сторону, что-то говорил — но Павел не слышал. Он впитывал этот новый для него мир, как губка, как иссохшая земля впитывает влагу.

Рыночная площадь кишела народом. Кузнецы в кожаных фартуках, перекрикивая друг друга, нахваливали свои мечи и ножи, сверкая сталью на солнце. Пекари выкрикивали названия хлеба — Павел разобрал только «пшеничный» и «ржаной», остальное тонуло в шуме. Торговцы тканями разложили на прилавках рулоны сукна, шёлка, бархата, парчи — яркие, переливающиеся на солнце, слепящие глаза. Менялы сидели за столами, пересчитывая монеты и сверяя курсы валют. Жонглёры и акробаты развлекали толпу, выделывая немыслимые трюки. Нищие протягивали руки, скуля и завывая, хватали прохожих за полы одежды. Воры шныряли между людьми, ловко срезая кошельки и исчезая в толпе.

Всё кишело, шумело, жило своей жизнью.

Хрыч ловко провёл Павла сквозь толпу к лавке менялы, где за несколько серебряных монет (Павел даже не знал, откуда они у гоблина — видимо, копил долгие годы) выменял принесённые шкурки на соль, новые наконечники для стрел, моток крепкой верёвки и даже

кусоч сыра — твёрдого, пахучего, покрытого благородной плесенью, как те сыры, что Павел видел в дорогих магазинах на Земле.

— Это тебе, — сказал Хрыч, протягивая сыр Павлу. — Попробуй. Люди это любят, дорого ценят. Говорят, вкусно.

Павел откусил кусочек. Сыр оказался острым, с горчинкой, с неожиданным грибным послевкусием, непривычным, но безумно вкусным. Он жевал и оглядывал площадь, чувствуя себя участником исторического фильма, туристом, случайно попавшим в прошлое.

— Пошли дальше, — поторопил Хрыч, дёргая его за рукав. — Надо ещё кожу посмотреть, ножи подточить у мастера, да и уходить пора, пока стемнеть не успело. В темноте из города лучше уйти — мало ли что.

— А где мы ночевать будем?

— В таверне, — усмехнулся гoblin, и уши его весело дрогнули. — Я же не зверь лесной, могу и в таверне переночевать, как нормальные люди. Если денег хватит, конечно. А денег у нас теперь маловато.

Они уже собирались уходить с площади, когда Павел увидел ЕЁ.

Она стояла у лавки оружейника, рассматривая кинжалы, разложенные на прилавке на куске чёрного бархата. Высокая, стройная, с тёмными волосами, забранными в тугий пучок на затылке, открывающий длинную, изящную шею. Одета она была просто, но со вкусом: кожаная куртка с металлическими заклёпками, плотная льняная рубаха, кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи. За спиной — длинный лук, явно дорогой, искусной работы, украшенный резьбой. На поясе — ножны с мечом и несколько метательных ножей, рукояти которых поблёскивали на солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.